

Сужденіе большого московскаго собора 1667 года о власти царской и патриаршей.

(Къ вопросу о преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ Великимъ).

Повидимому приписывать возрѣніямъ Никона на отношеніе царства къ священству особенно важное значеніе рѣшительно не слѣдуетъ, такъ какъ онѣ не имѣли подь собою никакой твердой реальной почвы и потому самому не могли имѣть никакого практическаго значенія. Кажалось, что въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ указанныя возрѣнія Никона не только не могли встрѣтить себѣ ни откуда сочувствія и поддержки, а наоборотъ должны были вызвать прямо враждебныя отношенія къ себѣ. Справедливость послѣдняго предположенія какъ нельзя болѣе подтверждается между прочимъ тѣми возрѣніями на царство и священство, какія высказывали въ своихъ сочиненіяхъ первые противники церковной реформы Никона, первые основатели и распространители русскаго раскола. Ихъ возрѣнія въ этомъ отношеніи являються полною противоположностію возрѣніямъ Никона, такъ что насколько горячо Никонъ старался возвысить духовную власть сравнительно свѣтской, настолько горячо противники его реформы ратовали за самодержавную высшую всѣхъ власть государя, на которой лежитъ прямая обязанность верховнаго руководства и надзора не только за дѣлами гражданскими, но и церковными.

Если Никонъ, обличая безмѣрное, по его мнѣнію, превозношеніе царя, писалъ: того бояться надобно, иже пылъ славою міра сего превозносятся и гордятся, аки безсмертни

и аки боги славятся отъ человекъ безумныхъ, въ сла-
дость приѣмлютъ таковыя безумныя глаголы: „ты богъ зем-
ной“, то этими людьми, говорившими царю: ты богъ зем-
ной и были именно противники церковной реформы Никона.
Нероновъ писалъ къ царю изъ Спасокаменнаго монастыря
отъ 27 февраля 1654 года: „припадаю молю твое благо-
родіе, о равноапостольне, послушати изволи въ сокрушеніи
сердца вопіющаго ти и слезный источникъ проливающаго
ти, государю, и яко богу по Бозѣ прибѣгающаго къ дер-
жавѣ твоей... О благочестивый царю, *иже воистину по
Бозѣ бози!*... Еще же слышахъ, о благочестивый царю,
и твое величество отъ него, владыки (Никона), оуждаемо,
и испоругаемо и ни во что же поставляемо. Вѣдый извѣстно
тебѣ, нашего государя, свѣтлѣ солнца благочестіемъ цвѣ-
туща и во истину Божія слуга суща, не стерпѣхъ мерзости
тая и вопреки предъ нимъ, владыкою, за твое величество
глаголахъ, воспоминаая, да не высоко парить, яко орель,
и да не вземется выше своя мѣры, но въ коемъ чину
призванъ, въ томъ да пребываетъ. Долженъ есмь за благо-
родіе твое страдати, иже всегда всѣхъ учащу ми безбояз-
ненно и душу положить за православную вѣру и за тебя,
государя“... И въ другомъ мѣстѣ Нероновъ говоритъ: „я
готовъ за государское величество, якоже и за Божіе имя,
аще и до смерти страдать“¹⁾.

Если Никонъ проповѣдывалъ: „власть священства толико
гражданскія лучши есть, елико земли небо, паче же и много
вѣще“, что „священство царства преболѣе есть“, то рас-
колоучитель Лазарь совершенно наоборотъ училъ, что власть
царя Божественна и что „якоже отстоитъ небо отъ земля,
и солнце выше луны и болши свѣтомъ есть: сиче и цар-
ская Божественная власть вышши и болши прочихъ влас-
тей“. Гдѣ нѣтъ царя, или гдѣ царская власть восхищена
другими, тамъ, по мнѣнію Лазаря, царствуетъ антихристъ.
„Егда въ Римѣ говоритъ онъ, духовный человекъ, папа,
восхити на ся царскую Божию власть: и оттолѣ антихри-
стово властительство есть въ Римѣ. Сиче бо и о царѣ-
градѣ: яко Божія царскія власти не имѣють“. За царскую
Божественную власть Лазарь, подобно Неронову, выражаетъ

¹⁾ Матеріалы для ист. раск. т. I. стр. 55, 60, 61, 237.

готовность пострадать. „Азъ же грѣшный, говоритъ онъ, закона ради отецъ твоихъ и вашего ради благородія, аще Богъ изволить, готовъ есмь, не токмо темничное озлобленіе терпѣти, но и душу свою за вы положить, яко да пребудетъ вашего благородія Божественная власть во вѣки неизвратна и непоколебима, и да управится вами законъ отецъ вашихъ и умирится святая церковь во едино“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же пишетъ: „молю въ Троицы славишаго съ прибытіемъ единого Бога и пресвятую всѣхъ царицу, Госпожу Дѣву и Богородицу и святыхъ безплотныхъ силъ и всѣхъ святыхъ, да утвердится царская Божественная власть и Богомъ данныхъ и благородныхъ чадъ твоихъ и въ вѣчныя роды родовъ и во вѣки неизвратна, и цематежна, и непоколебима отъ всякихъ сопротивныхъ прилогъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ, молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ, аминь“¹⁾.

Если Никонъ усиленно старался доказывать, что царь ни подъ какимъ видомъ не можетъ вмѣшиваться въ дѣла церковныя, какъ совершенно неподлежація его вѣдѣнію, и что вмѣшательство въ нихъ со стороны царя было бы не „строеніе церкви, но паче поненіе“, то совершенно противоположнаго взгляда на этотъ предметъ держались противники церковной реформы Никона. По ихъ мнѣнію на царѣ православномъ лежитъ прямая и непремѣнная обязанность наблюдать не только за гражданскими дѣлами, но и церковными и своею властію исправлять ихъ, если они по чему либо принимаютъ неправильное теченіе. Въ этихъ видахъ царь можетъ и обязанъ распоряжаться и приказывать въ дѣлахъ церковныхъ, можетъ созывать соборы и предсѣдательствовать на нихъ. Пероновъ пишетъ царю: „о, благочестивый царю, остави, молю бурю, смущающую церкви!“ Благочестивый царю! Стани добръ, о церковное чадо, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ, предвари и ущедри мать твою, святую соборную и апостольскую церковь, да не до конца растлѣтъ тоя красота сынове вѣка сего! Пероновъ говорилъ собору іерарховъ: „безъ нихъ, благочестивыхъ государей, не состоится ничтоже, и вселенстїи седмь соборовъ благочести-

1) Матеріалы для ист. раск. т. IV-й. стр. 251, 253—254, 259, 266.

выхъ царей имѣли и въ пособіе и въ помощь призывали съ моленіемъ: понеже ихъ помощію и совѣтомъ вѣра христіанская утвердися. И нынѣ такоже симъ благочестивымъ нашимъ православнымъ государемъ царемъ всяка истина утверждается и правовѣріе въ русійскомъ его государствѣ яко солнце сіяетъ“. Убѣждая царя созвать истинный соборъ для разсмотрѣнія производимой Никономъ церковной реформы и указывая изъ кого долженъ состоять этотъ соборъ, Нероновъ говоритъ: „тебѣ же, государю, яко превеликому столпу, ту (т. е. на соборѣ) предсѣдати и всѣхъ зрѣти“. Аввакумъ обращается къ государю: „аще архіереи исправить не радятъ, но не ты, христіолюбивый государь, ту церковь отъ таковыя скверны потщися очистить, да въ державѣ царствія твоего въ вѣрныхъ людехъ соблазны потребятся, да и отъ Бога милости сподобишься“. Дьяконъ Ѳеодоръ тоже приглашаетъ царя стать судьею между стоящими за старое и за новое: „помилуй государь царь, пишеть онъ, не дай насъ напрасно озлобити, сотвори праведный судъ!... Аще не собереши, государь, всѣхъ насъ во едино (не о себѣ азъ глаголю, ничто же бо есмь), кои стоять за старое и кои за новое, и обоихъ странъ словесъ самъ не услышиши: не познаешь, государь, истины. Егда будетъ праведный между нами судія — или ты самъ, христіанская наша надежда, или инъ кто вѣрный твой царевъ слуга въ тебѣ мѣсто, аще мы предъ твоимъ царскимъ лицемъ недостойны стати: тогда сіи святіи себе оправятъ и леств прогонятъ отъ церкви далѣе, да паки чиста явится церковная нива отъ соблазны“. Инокъ Авраамій пишеть государю: „вся тягота церковная нынѣ на твоей выи виситъ; а на властей нынѣ ни на которыхъ нечево смотрѣтъ — времени служить, а напередъ не озираются бѣдніи пастуси“ (1).

Ревность противниковъ церковной реформы Никона о достоинствѣ и интересахъ царской власти была такъ велика, что даже въ новоисправленныхъ церковныхъ книгахъ они старались найти слѣды покушеній со стороны Никона и его послѣдователей на достоинство царской власти. Лазарь,

1) Ibid. т. 1-й. стр. 37, 65 — 66, 235 — 236. т. V. 139. т. VI. 42 — 43. т. VII. 216, 275.

напримѣръ, пишеть: „да въ служебникахъ же напечатано, въ большемъ выходѣ великому государю во всѣхъ церк-вахъ говорятъ титулы полныя; большія, и сами они гово-рятъ великаго государя осподаремъ тишайшимъ и кротчай-шимъ. И тѣмъ они его государьскому имени ругаются, и предъ людьми величаютъ лицемѣрствомъ, а въ тайнѣ за упокой поминають. А во октеньяхъ о здравіи и спасеніи не говорятъ; и о боярехъ и вояхъ его не говорятъ, а го-ворять вмѣсто того полаты каменные и воинство полатное, а не царево“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „на проскомидіи о царскомъ здравіи и о спасеніи, вынимая часть, не говорятъ; только говорятъ: помани Господи го-сударя нашего, и проч. и то есть за упокой; и ектеній сугубыя о его царскомъ здравіи оставлены же, а вмѣсто тѣхъ ектеній положены малыя, а въ нихъ о здравіи и о спасеніи нѣтъ же, а повершены тѣ ектеніи заупокоемъ“¹⁾.

Понятны тѣ побужденія, которыя руководили противни-ками церковной реформы Никона, когда они усиленно ста-рались выставить себя сторонниками и поборниками само-державной царской власти, которую они ставили во всѣхъ отношеніяхъ выше духовной, когда они, вопреки Никону, считали царя, имѣющимъ полное право не только вмѣши-ваться въ дѣла церковныя, но и распорядиться ими, если онъ находитъ въ нихъ что либо неправильное, требующее по его мнѣнію исправленія. Если Никонъ считалъ себя потерпѣвшимъ отъ насилія и неправдъ свѣтской власти, то его противники, наоборотъ, считали себя потерпѣвшими отъ насилія и неправдъ власти духовной, которая будтобы совратилась въ лицѣ Никона и послѣдователей его съ пра-ваго пути. Отказавшись отъ повиновенія этой духовной власти и вступивъ съ нею въ открытую борьбу, противники церковной реформы Никона естественно стремились найти себѣ опору, поддержку и защиту во власти свѣтской, ко-торую они всячески стараются убѣдить, что именно она должна вступить за ихъ програнное у духовной власти дѣло, и что она имѣетъ на это полное право, такъ какъ духовная власть по отношенію къ свѣтской есть власть низшая и подчиненная ей. Поэтому то въ своихъ челобит-

1) Ibid. т. IV. стр. 197—198, 207.

ныхъ они и обращаются только къ царю, отъ него ожидаютъ спасенія будто гибнущей церкви, т. е., собственно спасенія своего и своего дѣла. Въ этихъ именно видахъ, т. е. чтобы расположить къ себѣ и своему дѣлу царскую власть, сдѣлать ее покорнымъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей, они и выражаютъ въ своихъ челобитныхъ самую ревностную заботливость о неприкосновенности царской власти, которой будтобы грозитъ опасность со стороны притязаній власти духовной, выражаютъ заботливость о спасеніи души благочестиваго царя, который можетъ погибнуть, подчинившись руководству духовныхъ властей. Впрочемъ такія отношенія противниковъ церковной реформы Никона и къ царю Алексѣю Михайловичу, а потомъ и къ царской власти вообще, скоро совсѣмъ измѣнились, какъ только они окончательна убѣдились, что все ихъ стараніе возстановить свѣтскую власть противъ духовной не имѣли успѣха, что царская власть никогда не станетъ на ихъ сторону, чтобы вмѣстѣ съ ними дѣйствовать противъ духовной власти).

Такимъ образомъ возрѣнія Никона, что священство выше царства, не только не могли быть приняты представителями свѣтской власти (царемъ и боярами), но и въ средѣ вліятельнаго духовенства, принадлежавшаго къ противникамъ церковной реформы Никона, онѣ встрѣчены были прямо

1) Аввакумъ, напримѣръ, потерявъ надежду привлечь на свою сторону царя Алексѣя Михайловича, уже говоритъ объ немъ въ такомъ тонѣ: „такъ-то и царя того врагъ Божій омрачилъ, да къ тому величаетъ, льстя, на переносъ: благочестивѣйшаго, тишайшаго, самодержавнѣйшаго государя нашего, такова-сякова, великаго, — больше всѣхъ святыхъ отъ вѣка!.. А царь — ты, петь, въ тѣ поры чаешь и мнишь бы-то и прямъ-наковъ, святѣ его нѣтъ!.. А гдѣ пущи гордости той?.. Нынѣ у нихъ все таково, да поперегъ; жива человекъ въ лицо святымъ называй, коли и пропадеть. Въ помянникѣ напечатано сиче: помолимся о державномъ святомъ государѣ царѣ. Вотъ, какъ не бѣда человекъ! А во отечникахъ писано: едаде въ лице человекъ похвалить, тогда сатанѣ его словомъ предастъ. Отъ вѣка нѣсть слышать, кто себя велѣлъ въ лице святымъ звать, развѣ Навходоносоръ вавилонскій! Да досталось ему безумному! Семь лѣтъ быкомъ походилъ по дубравѣ, траву ядыше плачущи... А то приступу, не было: Богъ есмь азъ! кто мнѣ равенъ? Развѣ Небесный! Онъ владѣетъ на небеси, а я на земли равенъ Ему! Такъ-то и нынѣ близко того... Царь Манасія шаловаль, дурачицо, Бога отступя, и на высокихъ жралъ, сирѣчь на горахъ болваномъ кланялся. Исаія пророкъ, велегласная труба, такъ

враждебно и рѣшительно осуждались какъ гибельныя для государства и церкви. Но отсюда однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти воззрѣнія прошли совсѣмъ безслѣдно для русскаго общества и вовсе не находили въ немъ себѣ сторонниковъ такъ, чтобы свѣтская власть могла вовсе не обращать на нихъ никакаго вниманія. Дѣло въ томъ, что Никонъ, когда писалъ свое „Разореніе“, еще продолжалъ считаться патріархомъ и его голосъ, уже по одному этому, долженъ былъ имѣть вѣсъ и значеніе въ глазахъ многихъ. Помимо этого: Никонъ старался подкрѣпить свои воззрѣнія обильными ссылками на св. писаніе, на правила и постановленія соборовъ, св. отцовъ и т. п. и такимъ образомъ утверждалъ свои воззрѣнія на аргументаціи, имѣвшей полную обязательную силу. И царь Алексѣй Михайловичъ и Одоевскій, составитель Уложенія, были люди искренно благочестивые, стремившіеся сообразовать не только свою частную, но и всю общественную жизнь съ требованіями св. писанія, церковныхъ правилъ и постановленій, и въ отступленіи отъ нихъ, въ ихъ нарушеніи видѣвшіе тяжкое преступленіе... Въ виду этого „Разореніе“ Никона не могло пройти безслѣднымъ, не могло остаться незамѣченнымъ и со стороны противниковъ Никона, не говоря уже о тѣхъ, которымъ его воззрѣнія пришлись какъ нельзя болѣе по душѣ, а такія лица дѣйствительно были. Поддьякъ Феодоръ Трофимовъ, въ подданной имъ „росписи вкратцѣ, чѣмъ Никонъ патріархъ съ товарищи на царскую державу возгордились и его царскій чинъ и власть и обдержаніе себѣ похищаютъ“, прямо указываетъ, кто именно были сторонники Никона, раздѣлявшіе его взглядъ, что священство

— II —
 же ему журилъ, какъ и мнѣ бываетъ, и опъ его на полы перетеръ: навось! Не указывай намъ, великому государю! на насъ то положено! а кто положилъ? Въ коихъ правилѣхъ писано царю церковію владѣть и догматы измѣнять, святая кадитъ? (тоже совершенно говорилъ и Никонъ). Толко ему подобаетъ смотреть и оберегать отъ волкъ, губящихъ ее, а не учить, какъ вѣра держатъ и какъ переты слагать. Се бо не цареву дѣло, но православныхъ пастырей и истиныхъ архіереевъ, иже души своя полагаютъ за стадо Христово“. (Матеріалы, томъ VIII-й, стр. 35—38). Нѣкоторые старообрядцы отказывались молиться уже за царя Алексѣя Михайловича, какъ это было, напримѣръ, среди возставшихъ въ Соловецкомъ монастырѣ. Послѣ нѣкоторые старообрядцы не хотѣли молиться за царя Феодора, за что ихъ осуждаетъ Аввакумъ. (Ibid. стр. 101).

выше царства. „Патріархъ Никонъ,“ говоритъ Трофимовъ, и власти пишутца и называютца великими государями и свободными архіереями: мы де суду царскому не подлежимъ, судитъ де намъ отецъ нашъ патріархъ. Они-жь во своихъ паствахъ поставляютъ архимандритовъ и игуменовъ и протопоновъ самовольствомъ, кто имъ годенъ, безъ указу великаго государя: потому они называются свободными; а что они царскому суду не подлежатъ, и то есть свобода жъ. А что ихъ судити патріарху: подобно сему еже глаголетъ Господь: аще сатана сатану изгонитъ, на ся раздѣлился есть. Яко же Богъ единъ судитъ всѣмъ, тако и всеобдержай царь; и аще Богъ изволитъ и великій государь тое ихъ гордость сломитъ и подъ свою высокую руку и подъ судъ подклонитъ, то все благочестіе исправитца. Они бо ради свободаго житія законы превращаютъ, и уставы преданныя имъ прелагаютъ, и отъ вѣры отступаютъ, а православіе съ еретичествомъ соединяють“¹⁾. Приведенное сейчасъ заявленіе, что вмѣстѣ съ Никономъ и другіе русскіе архіереи „на царскую державу возгордились“, что эти „свободные архіереи“, не хотѣли, по примѣру Никона, подчиняться царскому суду, не хотѣли допускать со стороны свѣтской власти никакого вмѣшательства въ свои епархіальные дѣла, — вполне справедливо.

Нужно признать, какъ несомнѣнный фактъ, что русскіе архіереи очень враждебно вообще относились къ патріарху Никону и рѣшительно стремились не только низвергнуть его окончательно съ патріаршей кафедры, но лишить его архіерейства и даже священства. Въ этомъ смыслѣ они высказались на соборѣ 1660 года, въ этомъ смыслѣ они составляютъ и подаютъ царю обличенія на патріарха Никона, въ этомъ смыслѣ они дѣйствуютъ и на соборѣ 1667 года. Причинъ нерасположенія властей къ Никону было нѣсколько. Прежде всего власти ненавидѣли Никона за то, что онъ, пользуясь своею силою и вліяніемъ у царя, невозможностію для другихъ архіереевъ бороться съ нимъ, отнималъ у нихъ монастыри и церкви въ свою пользу, приписывая ихъ къ построеннымъ имъ монастырямъ. Послѣ его удаленія архіереи, какъ напримѣръ Новгородскій и Твер-

1) Матеріалы для ист. раск. т. IV стр. 296.

ской, подавали особья росписи съ обозначеніемъ, сколько у нихъ и гдѣ отнято было Никономъ монастырей и церквей¹⁾. Послѣ низложенія Никона все отнятое имъ у епархіальныхъ архіереевъ снова было возвращено послѣднимъ. Въ „обличеніи на патріарха Никона“ по поводу его удаленія въ пустыню т. е. Воскресенскій монастырь, архіерей, составитель этого обличенія, замѣчаетъ: „нонѣ въ пустыняхъ разжился (Никонъ) вѣщми вѣка сего: властне взять патріаршескаго дома казну и другихъ епископій и всего царствующаго града Москвы и другихъ градовъ выморныхъ домовъ животы; едва и твоей государевѣ царевѣ казнѣ не коснулся-ли“²⁾. Дьяконъ Ѳеодоръ, какъ на причину низверженія Никона, указываетъ: „яко пса изгнаша его (Никона) земныхъ ради, а не духовныхъ—за землю и за вотчины, а не за Христа и за церковь его. И вси они своихъ си ищуть, а не яже Христа Исуса, по апостолу. Похищай бо той волкъ, Никонъ, яко разбойникъ грабя себѣ и святыхъ монастырей села и вотчины, и у князей такожде отъемля всяко и къ своимъ прилагая. И многія князи ослезиль, и монастыри оскорбилъ и раззорилъ, и простыхъ крестьянъ тяжкими труды умучилъ, созидаючи свой горькой Герусалимъ“³⁾. Другою причиною крайняго нерасположенія архіереевъ къ Никону было то, что онъ слишкомъ грубо давалъ имъ чувствовать свою силу и власть надъ ними и иногда прямо оскорблялъ ихъ, относясь къ нимъ съ насмѣшливымъ презрѣніемъ. Вятскій епископъ Александръ въ своей запискѣ царю, по поводу клятвы Никона на Питирима, объ отношеніяхъ Никона къ архіереямъ говорить, что Никонъ при поставленіи своемъ на патріаршество „общаяся церковный миръ соблюдать и не единымъ же правомъ противная мудрствовать во всѣмъ животѣ своемъ, послѣдуя въ всемъ и новинуясь святымъ апостоломъ и святымъ вселенскимъ соборамъ, общая имъ во страсть Божию боголюбивымъ правомъ брати своей и св. Дусѣ и сослужебникомъ всѣмъ преосвященнымъ митрополитомъ, архі-

1) Эти росписи о обихахъ патріарха Никона находятся въ числѣ переработанныхъ дѣлъ Московскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

2) Лѣт. рус. литер... Тихонравова. V, 158.

3) Матеріалы. т. VI стр. 301.

епископомъ и епископомъ патріаршества его вросійскаго царствія любовь духовную имѣти, и яко братію тѣхъ почитати, и сице любити, якоже владыка нашъ Господь І. Христосъ возлюбилъ святыхъ своя ученики и апостолы, — ниже и аще чрезъ сіе писаніе что сотворю, или преступлю въ чемъ и аще во единомъ не исправлю отъ сихъ всѣхъ написанныхъ вѣдѣ, лишень буду сана своего безъ всякаго слова, и аще сицево исповѣданіе, рукою его писанное, церкви предаде. И аще толицѣ общаниіи странно за рабы святительскій чинъ вѣдѣти и долико ругаяся, — яко сошедшимся архіереомъ къ сѣбѣнымъ дверемъ крестовые палаты, на преднемъ крыльцѣ часа два или три сидѣти, и ни единому жъ издаде слова речи предъ собою, ниже молбы тѣхъ послушавъ о исправленіи церковныхъ вещей, но странно поработилъ тѣхъ, и лютей нападалъ на братію свою, и страдати многимъ устроилъ, и умиленнѣ плакати, яко жъ и блаженнаго Павла епископа воломенскаго по многихъ томленіяхъ и несказанныхъ ругательствъ до смерти муча(ше)». Составитель, обличенія на Никона патріарха спрашиваетъ: „кого бы отъ архіерей и святыхъ отецъ едномудрствующихъ съ собою имѣя Никонъ?“ и отвѣчаетъ: „ей, никого“». По которому образу Никонъ спрашиваетъ: онъ же, будучи на престолѣ, поработилъ свою братію архіереовъ, обругавши патріаршескій престолъ, и сыны себе нарицаетъ и обычно архіерейская дѣйствующихъ проклинаеть, отъемля царствующаго града красоту и честь?“). Когда Никонъ узналъ, что для суда надъ нимъ рѣшено соборать соборъ, на который будутъ приглашены и восточные патріархи, то онъ говорилъ, что ничего не имѣеть противъ собора, только бы де соборъ былъ праведной а не паупной. Патріарху говорили, и, будетъ де онъ ялжесвидѣтелей вѣдѣнаеть московскаго государства властей, и онъ за то приметъ мечь отъ Бога? И патріархъ поворилъ: „кто де властей и кому какнижнымъ ученіемъ и правилами говорить, а они де грамотѣ не умѣютъ“? И патріарху говорено: „одинъ ли онъ въ московскомъ государствѣ грамотѣ умѣеть и есть ли кто другой?“ И патріархъ сказалъ: „хотя де и есть немногіе, а Питиримъ де митрополитъ и того не знаетъ,

1) Рукоп. Румянц. музея по описан. Востоковъ, № 376, л. 249. гл. 1.

2) Лѣт. русск. литер. Тихонравова, V, 166, 173. гл. 17. л. 166.

почему онъ человекъ“. Когда вмѣстѣ съ Лигаридомъ, Олевскимъ и Стрѣшневымъ прибылъ въ Воскресенскій монастырь и астраханскій архіепископъ Іосифъ, то Никонъ, обращаясь къ послѣднему, говорилъ: „и ты, бѣдный, туда же? А помнишь ли свое обѣщаніе? Говорилъ, что и царя слушать не станешь? Что? видно тебѣ что нибудь дали бѣдняку?“¹⁾ Даже о цѣломъ соборѣ русскихъ іерарховъ 1660 года Никонъ дозволялъ себѣ крайне рѣзкія очень обидныя для архіереевъ, отзывы“: сей соборъ бывший, писалъ онъ въ своемъ „Разореніи“, не точію сомнищемъ іудейскимъ достойно парещи, но и бѣсовскимъ, яко не по правиломъ собранъ, такоже и соборованіе все по цареву указу дѣлали, якоже онъ хотѣлъ соборъ собрать по ево государеву указу“²⁾. Не разъ въ другихъ мѣстахъ Никонъ заявлялъ прямо, что іерархи присутствовавшіе на соборѣ 1660 года были подкуплены царемъ и ради принятыхъ ими отъ царя подарковъ постановляли на соборѣ только то, что было угодно и желательно царю, почему Никонъ и желалъ, чтобы объ немъ былъ собранъ соборъ „праведной а не пакупной“. Въ виду этого понятнымъ становится обращеніе къ царю, отъ лица всѣхъ архіереевъ, составителя обличенія на патріарха Никона: „аще обрящемъ благодать предъ тобою, великимъ государемъ, не презри молбы твоихъ государевыхъ богомощовъ: да возметъ нечестивый сей (т. е. Никонъ) отъ среды нашея, да Божій правный гнѣвъ не постигнетъ ни въ правду постраждемъ, не пекущися о блапихъ“. А что бы и на будущее время оградить епархіальныхъ архіереевъ отъ патріаршаго самовластія, обличитель Никона старается внушить царю, что „первый епископъ не начальникъ епископомъ, ни крайній святитель, но епископы перваго сѣдалища наречется, рекже царствующаго многонароднаго града: святительскій бо самъ единъ честь и таже на всѣхъ (благодать). Не наречется и сей суботъ совершенъ или несовершенъ святитель; но вси равни святители, вси епископы, и благодать св. Духа равно приѣмше“³⁾. Затѣмъ въ тѣхъ же видахъ авторъ обличенія на Никона указываетъ царю, кого слѣдуетъ на будущее время избирать

1) Зал. рус. археол. общ. II, 560—561.

2) Рукоп. Взялева. № 193: набор. 7. 1660 г. 10 л. 10.

въ патриархатѣ Царствующаго града перваго сѣдалища епископа, пишетъ обличитель Никона, рекша патриарха, избираи благоволи священное писаніе протолковати, могуща и разумѣюща все божественное писаніе со испытаніемъ, и священная правила св. апостоль и св. отецъ извѣстно вѣдуща, въ лѣтѣхъ же совершенна суца и добродѣтельми и крайнимъ смиренумдріемъ цвѣтуща, своя же воли исправити догматы неимуща, но совѣтомъ, а недерзостно исправляюща, превнителя же о благочестіи и о нестыдящесе лицѣ, многолѣтна въ чернечествѣ суца и въ послушаніи, во еже обрѣзати своя ему воля крѣпко обучившася. Красота бо старецъ—со смиренумдріемъ высокое житіе и не своя воля. Архіерею бо совѣстливу подобаетъ бити и ничтоже дерзостію творити, да не многимъ соблазнъ и претыканіе будетъ—во мнозѣ бо совѣтъ спасеніе бывасть“¹⁾.

Такимъ образомъ епархіальные архіереи считали себя подавленными и принижеными во время патриаршества Никона, совершенно будто бы ихъ поработившаго и поправшаго ихъ права, уничтожившаго своимъ обращеніемъ самый ихъ санъ, почему они какъ нельзя болѣе и радовались удаленію Никона съ патриаршей кафедрой и всячески содѣйствовали его конечному низверженію. Они надѣялись и, какъ мы видѣли, хлопотали предъ царемъ о томъ, чтобы послѣ низверженія Никона, въ отношеніяхъ будущаго патриарха къ другимъ епископамъ, былъ болѣе твердо и рѣшительно выраженъ тотъ поспраный Никономъ принципъ, что „первый епископъ не начальникъ епископамъ, ни крайній святитель“, что „святительскій санъ единъ есть и таже на всѣхъ благодать“, и что поэтому „все святители равни“.

Но если для епархіальныхъ архіереевъ Никонъ, по своимъ отношеніямъ къ нимъ, былъ крайне нежелательный патриархъ, и съ его низверженіемъ они рассчитывали достигнуть большей самостоятельности и независимости въ управленіи своими епархіями, большей силы и вліянія на обще-церковныя дѣла, отъ которыхъ будто бы совершенно отстранилъ ихъ Никонъ, нетерпѣвшій никакихъ совѣтовъ и указаній со стороны своихъ собратій о св. Духѣ; за что открыто высказанное Никономъ ученіе, что священство выше

¹⁾ Лѣт. рус. литер. Тихонравова. V. 163, 169, 176. сармаціи подлѣтѣ

царства, что свѣтская власть вовсе не должна вмѣшиваться въ дѣла церковныя, а слѣдовательно и епархіальныя, что надъ духовными властями она не имѣетъ никакихъ верховныхъ правъ—эти воззрѣнія Никона какъ нельзя болѣе пришлись по душѣ русскимъ архіереямъ, которые рѣшительно и горячо стали въ этомъ отношеніи на сторону нелюбимаго ими Никона. Низвергнуть Никона, поработителя архіереевъ, и въ тоже время доставить торжество его идеямъ, что священство выше царства, это значило бы для архіереевъ разомъ освободиться не только отъ подавляющаго ихъ значенія патріаршей власти, которой, въ лицѣ Никона, былъ бы данъ хорошій урокъ, но и отъ вмѣшательства въ ихъ епархіальныя дѣла свѣтской власти, которая, не менѣе патріаршей, очень сильно давала чувствовать себя каждому архіерею ¹⁾. И дѣйствительно, подѣ

¹⁾ Въ древней Руси, по крайней мѣрѣ со времени Стоглаваго Собора, всѣ епархіальные архіереи находились въ очень большой зависимости отъ свѣтской власти. Эта зависимость выражалась не только въ томъ, что каждый архіерей назначался на епархію по выбору и указу собственно государя, что по указу государя каждый архіерей обязанъ былъ посвящать въ своей епархіи въ архимандриты, игумены и протопопы лицъ, не имъ избранныхъ, а указанныхъ ему государемъ,—но шла гораздо дальше, простиралась на всѣ отрасли архіерейскаго епархіальнаго управленія. У архіереевъ древней Руси существовали многочисленные свѣтскіе чиновники, изъ которыхъ важнѣйшими и вліятельнѣйшими были бояре, дворецкіе и дьяки. Со времени состоявшихся на Стоглавомъ соборѣ опредѣлений о святительскомъ судѣ, архіерейскіе бояре составляли при архіереяхъ судное отдѣленіе по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ архіерейской юрисдикціи: у нихъ хранились различныя архіерейскіе указы и распоряженія по различнымъ дѣламъ епархіальнаго управленія; къ нимъ, а не къ архіереямъ непосредственно, обращались царскіе указы съ своими памятями по тѣмъ или другимъ вопросамъ. Со времени Филарета Никитича при патріархѣ и другихъ архіереяхъ учреждены были, по примѣру царскихъ, приказы, изъ которыхъ въ Разрядѣ сосредоточивались всѣ епархіальныя судебныя и административныя дѣла, а самый приказъ находился въ вѣдѣніи архіерейскаго боярина. Понятно отсюда, какую важную и видную роль во всемъ епархіальномъ управленіи играли архіерейскіе бояре: всѣ дѣла, какія только были подвѣдомственны архіерею, иногда и дѣла чисто духовныя, проходили всегда чрезъ руки архіерейскихъ бояръ, которые разсматривали и подготавливали всякое дѣло, поступившее къ архіерею, благодаря чему они необходимо имѣли огромное вліяніе на рѣшеніе епархіальныхъ дѣлъ и на все вообще архіерейское епархіальное управленіе. Затѣмъ особенно видное и важное значеніе имѣли при архіе-

влияніемъ свидѣй Никонаго полной независимости власти духовной отъ свѣтской появляются тогда такъ называемые «свободные архіереи», которые говорили: «мы иде суду царскому не подлежащъ», которые въ своихъ епархіяхъ стали ставить архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ въ мѣстахъ, гдѣ прежде были только дворцовыя реляхъ дворецкіе. На обязанности дворецкаго прежде лежало заглядываніе во все архіерейскіе домоу въ хозяйственномъ отношеніи. Его вѣдѣнію и надзору подчинены были за тѣмъ все архіерейскіе служилые люди: дѣти боярскіе, разнаго рода должностныя лица, домовая прислуга, ремесленники, рабочіе и пр. За тѣмъ на обязанности дворецкаго лежало вѣдать и управлять всеми архіерейскими землями и имѣніями, какъ тѣми, которыя находились въ непосредственномъ вѣдѣніи архіерея и его, такъ называемыхъ, домовыхъ монастырей, такъ и тѣми, которыя отдавались въ пожизненное владѣніе различнымъ служилымъ лицамъ при архіереяхъ: боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и пр. Дворецкій обязанъ былъ наблюдать за цѣлостію архіерейскихъ земель, заботиться объ увеличеніи ихъ, о замѣнѣ менѣ выгодныхъ имѣній болѣе выгодными въ какомъ либо отношеніи, почему дворецкіе покупали своимъ архіереямъ земли, промѣнивали церковныя земли на земли частныхъ владѣльцевъ, участвовали при разъѣздахъ и составленіи разводныхъ грамотъ, выкупали тѣ изъ имѣній, которыя были заложены или проданы ранѣе и т. под. Но одна изъ самыхъ главныхъ и важнѣйшихъ обязанностей дворецкаго состояла въ томъ, что онъ имѣлъ право суда надъ всеми лицами, жившими на архіерейскихъ земляхъ. — Послѣ бояръ и дворецкихъ особенно важное значеніе въ архіерейскомъ управленіи имѣли дьяки, люди совершенно необходимыя во всякомъ дѣлѣ, требующемъ знанія законовъ, старинны, письменнаго канцелярскаго искусства, безъ подписи которыхъ ни одна бумага не могла получить официального характера. Архіерейскіе бояре, дворецкій и дьяки держали въ своихъ рукахъ почти все епархіальное правленіе, такъ какъ къ нимъ нерѣдко поступали на разсмотрѣніе и даже собственно духовныя дѣла. Свѣтское правительство прекрасно поняло то важное значеніе, какое указанныя свѣтскіе чиновники имѣли во всемъ епархіальномъ архіерейскомъ управленіи, и потому оно постаралось этихъ важныхъ и вліятельныхъ свѣтскихъ чиновниковъ поставить въ прямую зависимость отъ себя, чтобы чрезъ нихъ подчинить своему вліянію и все епархіальное архіерейское управленіе. Стоглавый соборъ постановилъ, что архіереи не могутъ однолично, безъ одобренія и согласія царя, назначать своихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, и что въ случаѣ неимѣнія архіереемъ лицъ, способныхъ занять эти должности, царь назначаетъ на нихъ своихъ чиновниковъ; архіереи не имѣютъ права увольнять назначаемыхъ къ нимъ царемъ чиновниковъ отъ занимаемыхъ ими должностей безъ согласія царя. Въ силу этого постановленія Стоглаваго собора свѣтская власть окончательно присвоила себѣ право назначать и увольнять важнѣйшихъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ и не только чиновниковъ простаго епархіальнаго архіерея, но и самого патріарха. Въ запискѣ о царскомъ дворцѣ,

поповъ „самовольствомъ, кто имъ годенъ, безъ указу великаго государя“.

Въ виду того, что все русскіе архіереи по вопросу объ отношеніи къ священству рѣшительно (какъ это увидимъ ниже) стали на сторону заявленныхъ Никономъ

чиноначали, церковныхъ чинахъ и пр. (1610—1613 г.) прямо говорится: „а въ справедливости, въ духовныхъ дѣлахъ, судить его (патріаршіи) бояринъ да дворецкій, да съ нимъ два дьяка и доводятъ дѣла предъ него (патріарха), а казначей собираетъ и завѣдуетъ казну патріаршу: а дается бояринъ, дворецкой и дьяки отъ государя“ (А. И. П., № 355). Это свидѣтельство вполне подтверждается и другими данными, которыя приводятъ тутъ было бы излишне. (Желающихъ ближе познакомиться съ свѣтскимъ архіерейскимъ чиновничествомъ въ древней Руси отсылаемъ къ нашей книгѣ: „Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси“, Москва, 1874 г.). Такимъ образомъ, въ лицѣ архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ царемъ, все епархіальное управленіе архіерея необходимо было подчинено негласному контролю свѣтской власти. Флетчеръ свидѣствуетъ, что власть назначаемыхъ государемъ къ архіереямъ свѣтскихъ чиновниковъ была такъ велика, что епископы не рѣшались самостоятельно рѣшать дѣла, поступавшія на ихъ судъ. Такъ, еслибы епископъ захотѣлъ смягчить рѣшеніе по какому нибудь дѣлу, то онъ долженъ былъ предварительно предложить это на разсмотрѣніе своимъ чиновникамъ. Такое положеніе дѣлъ, по замѣчанію Флетчера, было слѣдствіемъ того, что эти чиновники назначались не епископами, а самимъ государемъ или его Думой, и они обязаны были давать отчетъ въ своемъ управленіи не епископу, а свѣтской власти. Если епископъ получалъ позволеніе имѣть чиновниковъ по своему собственному выбору, то это считалось знакомъ особенной царской милости. Предположимъ, что это свидѣтельство Флетчера объ отношеніяхъ свѣтскихъ чиновниковъ къ архіерею сильно преувеличено, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что эти чиновники, назначаемые и увольняемые царемъ, зависѣли отъ царя, а не отъ архіерея, и потому въ своей дѣятельности естественно стремились болѣе угодить свѣтскому управленію, а не духовному. Очень возможно, что царскіи чиновникъ, при назначеніи своемъ на службу къ архіерею, получалъ отъ свѣтской власти указанія, какъ онъ долженъ вести себя относительно архіерея, какъ долженъ поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, и послѣ давалъ отчетъ государю о своей дѣятельности, о положеніи въ епархіальныхъ дѣлахъ, такъ что все епархіальное архіерейское управленіе было очень не самостоятелно и къ тому же находилось подъ постояннымъ контролемъ свѣтской власти; каждый епархіальный архіерей постоянно чувствовалъ себя связаннымъ и стѣсненнымъ даже въ управленіи своею епархіею. Послѣ этого понятнымъ становится, почему русскіе архіереи необходимо должны были стать на сторону Никона въ вопросъ объ отношеніяхъ свѣтской власти къ духовной.

возрѣній, положеніе дѣлъ становилось настолько серьезнымъ, что со стороны свѣтскаго правительства необходимо требовалось предпринять что либо рѣшительное; если только оно хотѣло остановить дальнѣйшее распространеніе идей Никона и дальнѣйшее возникновеніе „свободныхъ архіереевъ“, заявившихъ, что они не признаютъ надъ собою царскаго суда и не желаютъ допускать свѣтскую власть до вмѣшательства въ ихъ спархіальныя дѣла. Очевидно, что свѣтскому правительству необходимо было противопоставить возрѣнія противоположныя, и при томъ такъ, чтобы онѣ заявлены были тоже духовными властями, только болѣе авторитетными, чѣмъ Никонъ и русскіе архіереи. Съ этою именно цѣлю свѣтское правительство и обратилось на востокъ къ четыремъ восточнымъ патріархамъ съ просьбою, чтобы они рѣшили предложенные имъ вопросы о власти царской и патріаршей. Геродиаконъ грекъ Мелетій, отправленный на востокъ къ патріархамъ съ вопросами, привезъ на нихъ отвѣты патріарховъ и собора, составленные, какъ и слѣдовало ожидать, въ духѣ совершенно противоположномъ возрѣніямъ Никона. Въ отвѣтѣ на первый вопросъ: „что есть царь?“ между прочимъ говорится: „царю подобаеть, да будетъ глава и верхъ ко всѣмъ членомъ, подчиненнымъ ему... Добрѣ разсуждати долженствуютъ царіе, еже не дати своел чести инымъ, ниже новствовати въ твореніи благодѣяній по оной причинѣ: не даждь мному чести твоея, да не подвигнеши оцъ на тл... Царь есть господь всѣхъ подданныхъ своихъ, ожидающихъ отъ него дарованій и добротвореній, — противныхъ паки — казни. Аще убо кто царю видится противенъ быти, хотя есть и лице церковное, въ достоинствѣ вчиненное, не безъ ума бо мечь носить, но въ похвалу добрѣ творящихъ, въ гажденіе же злѣ дѣющихъ, ибо мстникъ Божій есть, и того ради въ писаніяхъ предадеса: царя чтите и о царѣ милися дѣйте“. Второй вопросъ, предложенный на разрѣшеніе восточнымъ патріархамъ былъ слѣдующій: „подобаетъ ли всѣмъ, наипаче мѣсто держащу епископу или патріарше, подчиненну быти и повиноватися царю, царскую власть держащему и ея употребляющему, во всякихъ гражданскихъ вещехъ и прѣвнїяхъ, тако во еже бы единому быти господу и начальнику, или ни?“ Въ отвѣтѣ на этотъ во-

прось между прочимъ говорится: „*яко же Богъ есть на небеси повсемѣстивенъ, то на земли суть по Бозь тѣи, иже держащій царскую власть и престолъ; и яко же, иже несохранивый вѣры божественныя отъ общества вѣрныхъ изгнанствуя отвергается, подобѣ, иже вѣры къ царскому достоинству сотворенныя несохраненія, дестію же и отай дѣлющія недостойны, намъ мпяты, еже христіанское имя на себѣ къ тому содержати, занеже бо помазанникъ Господень именуется и есть, иже царскимъ вѣнцемъ увѣнчанъ баше*“.

Затѣмъ приводится исповѣданіе, какое дѣлали греческіе патріархи императорамъ: „*исповѣдую симъ писаніемъ моимъ, еже сохрани ми къ тебѣ, Крѣпчайшему царю и повѣлителю, чистую вѣру и благохотѣніе, яко же долженствую отъ естественнаго и бѣлаго мановенія и отъ правльнаго долга тако, во еже бы ми были подъ повелѣтельствомъ и заповѣдію и подъ маніемъ царскаго твоего достоинства и противу противу всякому человѣку, противляющемуся сему моему крестному цѣлованію. И по малѣхъ: сіе же крестное цѣлованіе, не точію къ царю, но и къ царицѣ и къ ея сыномъ царевичемъ принадлежить. И по малѣхъ: еже быти ми подъ изволеніемъ и прописаніемъ твоея царскія свѣтлости, и еже дланіи ми по благоизволенію твоимъ царскимъ тако писаніемъ преданнымъ, якоже и кромъ писаній изъявленныхъ*“.

Аще же откуду явится бѣкое сомнѣніе, *объяцоу мя подлагати подъ судъ и его достойныя казни по предложенію и повелѣнію твоего царскаго престола*“.

Приводятъ эти выдержки изъ 64 главы великаго Номоканона, патріархи дѣлають такое резюме: „*изъ нихъ же собирается: царя убо быти совершеннаго господа и одинаго быти законодавца всѣхъ дѣлъ гражданскихъ; патріарха же быти послужива царю, яко поставленному на высочайшемъ достоинствѣ и отъмителю Божію, ниже окомъ или обичаемъ Господствовати еже хотѣшители дѣяти въ вещь гражданскихъ, еже есть противно и пакостно царскому нещеванію*“.

Творяща (патріарха) противѣ церковнымъ уставомъ или *противно царю, неразудѣи и безумнѣ дѣюща и ось престола своего весьма быти извержительно и удалительно*“.

Въ отвѣтъ на пятый вопросъ говорится: „никто не имѣеть толику свободу, да возможетъ противитися царскому по-

велѣнію, законъ бо есть. Того ради, *аще кто и духовный представитель, аще и патриархомъ его нареченъ, или иного степеня мужъ, сицевому повелѣнію (словесному) или епископѣ сопротивилъ бы ся, да страждетъ казнь, яко безправильное ничто сотвориши*“¹⁾.

Такимъ образомъ восточные патриархи на предложенные имъ вопросы объ отношеніяхъ власти свѣтской и духовной или власти царской и патриаршей, отвѣтили совершенно противоположно Никону. Вопреки ему и согласно съ противниками его реформы, они признали, что царская власть выше духовной, такъ какъ царь есть намѣстникъ Божій на землѣ, что патриархъ наравнѣ со всѣми другими подданными обязанъ царю безусловнымъ во всемъ повиновеніемъ, что всякое повелѣніе, идущее отъ царя, будетъ ли то словесное или письменное, „законъ есть“ и потому вполнѣ обязательно для патриарха, который долженъ „подлагать себя подъ судъ царскій“ и наравнѣ съ другими подданными нести кару за всякое противленіе царскимъ повелѣніямъ. Насколько приведенный отвѣтъ восточныхъ патриарховъ былъ неприятенъ для свѣтской власти, настолько же онъ былъ неприятенъ для властей духовныхъ. Архіереи, льстившіе себя надеждою стать въ независимыя отношенія къ свѣтской власти, думавшіе было освободиться отъ крайне неприятнаго и очень стѣснительнаго для нихъ вмѣшательства въ ихъ епархіальныя дѣла, должны были окончателно разочароваться въ своихъ надеждахъ. Благодаря отвѣтамъ восточныхъ патриарховъ они еще крѣпче и рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, подчинялись свѣтской власти, которая, опираясь на отвѣты восточныхъ патриарховъ, могла теперь распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь ничѣмъ, такъ какъ всякое повелѣніе свѣтской власти и для для архіереевъ „законъ есть“.

Понятно само собою, что русскіе архіереи не могли согласиться съ предложеннымъ восточными патриархами рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, съ рѣшеніемъ отдававшимъ архіереевъ въ безусловное распоряженіе свѣтской власти; естественно было съ ихъ стороны попытаться снова подвергнуть этотъ вопросъ

¹⁾ Гиббонета. Истор. изслѣд. дѣла п. Никона т. 2, прил. стр. 671 и сл.

обсужденію, въ видахъ добиться болѣе благопріятнаго для нихъ его рѣшенія. За это дѣло взялись главнымъ образомъ два архіерея, выдававшіеся тогда своимъ умомъ, относительно образованностію, своимъ нерасположеніемъ лично къ Никону и въ тоже время горячимъ сочувствіемъ къ его церковной реформѣ и къ его воззрѣніямъ на отношеніе царства къ священству. Эти два архіерея были извѣстные Павелъ, митрополитъ крутицкій и Иларіонъ, архіепископъ рязанскій. Такъ какъ въ 1666 году въ Москву прибыли два восточные патріарха съ нѣкоторыми архіереями для соборнаго суда надъ Никономъ, то Павелъ и Иларіонъ рѣшились на смѣлое дѣло, именно: рѣшились открыто поднять на соборѣ вопросъ о царской и патріаршей власти съ тѣмъ, чтобы вновь соборно обсудить этотъ вопросъ и добиться иного его рѣшенія, нежели какое дано было ему на востокѣ, гдѣ вовсе не было представителей и защитниковъ того взгляда, что священство выше царства, почему вопросъ и былъ тамъ рѣшенъ, по ихъ мнѣнію, очень односторонне. По очень понятнымъ причинамъ пренія о власти царской и патріаршей, происходившія на соборѣ 1667 года, совсѣмъ не вошли въ составъ официальныхъ соборныхъ актовъ, которые вовсе умалчиваютъ объ этомъ любопытномъ и важномъ эпизодѣ изъ соборныхъ засѣданій. Но за то объ этомъ событіи очень подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія сообщаетъ намъ знаменитый, игравшій на соборѣ роль адвоката царской власти, Паисій Лигаридъ въ третьей части своего сочиненія о соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ. Такъ какъ третья часть сочиненія Паисія Лигарида о соборномъ судѣ надъ Никономъ доселѣ не переведена на русскій языкъ, а между тѣмъ сообщаемыя въ ней свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу и очень любопытны и очень важны, то дальнѣйшій нашъ рассказъ о соборныхъ преніяхъ по поводу власти царской и патріаршей будетъ буквальнымъ переводомъ изъ упомянутаго сочиненія Паисія Лигарида, лишь сокращеннымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Паисій вдается въ ненужное, вовсе не идущее къ дѣлу многоглаголаніе ¹⁾.

¹⁾ Сочиненіе Паисія Лигарида о соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ писано имъ на греческомъ языкѣ и греческій его списокъ на-

ходится въ Московской синодальной библиотекѣ № 469. Первые двѣ части этого сочиненія переведены къмъ-то на русскій языкъ съ сокращеніями. Рукопись этого перевода хранится въ нашей академической библиотекѣ и ею пользовался Н. И. Субботинъ въ своемъ сочиненіи о Никонѣ. Но онъ не упоминаетъ о третьей части этого сочиненія, доселѣ остающейся безъ перевода. Только Митрополитъ Макарій въ XII томѣ своей исторіи русской церкви сообщаетъ нѣкоторыя, впрочемъ, самыя общія свѣдѣнія, заимствованныя изъ этой части сочиненія Палсія, такъ что ею доселѣ не пользовался въ полной мѣрѣ ни одинъ ученый, а между тѣмъ, по своему содержанию, она вполне заслуживаетъ ихъ вниманія. Третья часть сочиненія Палсія Лигарда о соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ состоитъ изъ предисловія, самаго разказа о событіяхъ, раздѣленного на 23 главы и эпилога. Предисловіе заглавывается такъ: „предисловіе, въ которомъ говорится о томъ, что происходило прежде избранія новаго патріарха московскаго и всей Россіи господина Іоасафа“ (стр. 1—3). Оглавленіе главъ слѣдующее: 1) какъ служили въ великой церкви оба патріарха (стр. 3—14) 2) Какъ въ свѣтлый праздникъ Рождества Христова пришли патріархи поздравить царя (14—20) 3) Какъ пришли оба патріарха на новый годъ служить литургію и многолѣтствовать царю (20—32) 4) Испытаніе русскихъ архіереевъ о хронологіи отъ сотворенія міра (32—64) 5) Какъ совершенно было водосвятіе дважды наканунѣ и въ самый праздникъ Богоявленія (64—76) 6) Какъ нѣкоторые русскіе архіереи не хотѣли подписать изложеніе Никона (79—84) 7) Можетъ ли совмѣщаться архіерейство съ царскимъ достоинствомъ? (84—93) 8) Какъ должно принимать сіе помазаніе—чувственно или умственно? (93—99) 9., О собраніи архіереевъ по поводу предложеннаго вопроса: подлежитъ ли царю патріархъ? (88—119) 10) Какъ собрались архіереи и прочтено было все относящееся къ царю (119—141) 11) Прошеніе тайно поданное двумя архіереями патріархамъ (141—163) 12) Соборное рѣшеніе касательно предложеннаго вопроса (163—185) 13) Какъ были призваны два архіерея на соборъ и подверглись запрещенію (185—206) 14) Какъ собрались все въ ставропигію избирать новаго патріарха (206—220); 15) Разрѣшеніе трехъ соборныхъ вопросовъ (220—244) 16) Какъ провозглашенъ киръ Іоасафъ патріархомъ московскимъ (244—261) 17) Какъ пришли два архіерея и оправдывались (261—284). 18) Какъ произошла хиротонія новаго патріарха Іоасафа (284—300) 19) Различныя рѣшенія разныхъ вопросовъ, предложенныхъ тремъ блаженнѣйшимъ патріархамъ (300—322) 20) О предложеніяхъ, бывшихъ въ великую четырехдесятицу (322—373) 21) О нѣкоторыхъ иныхъ прилучившихся послѣ св. четырехдесятицы (373—383) 22) Грамата о томъ, что царю предоставлено возводить епископіи въ митрополіи (383—405) 23) О вербномъ торжествѣ и патріаршемомъ на конѣ шествіи (405—458). — Для насъ, по интересующему насъ вопросу, особенно важны главы: шестая, девятая, десятая, одинадцатая, двѣнадцатая и тринадцатая.